

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ: ЭПОХИ И ПЕРИОДЫ

А. С. Королев

О двойственном отношении ромеев к «губительному и на деле, и по имени» народу русов

Аннотация: статья рассказывает об истории русско-византийских отношений в IX–XI вв. Автор пытается показать: как византийцы воспринимали русов, что и почему в русах вызывало у ромеев страхи – реальные и мнимые. Последние были связаны с ожиданиями Конца Света, признаки наступления которого ромей видели в появлении загадочного народа «рос». Сделан вывод о том, что в разное время у разных групп византийского населения отношение к русам было неоднозначным. Если в IX в., когда только начинались активные контакты ромеев с русами, одно имя северных соседей Империи сеяло панику среди широких слоев византийского населения, то в X в., с началом интенсивного торгового и военного сотрудничества, русы не вызывали у простых ромеев мистического ужаса. Такое же здоровое отношение к действительности было и у политической элиты Византии. И лишь в сочинениях византийских интеллектуалов вплоть до крещения Руси в отношении русов царил ужас.

Ключевые слова: история, пророчество Иезекииля, русы, ромей, Византия, Константинополь, Лев Диакон, Фотий, Константин Багрянородный, княгиня Ольга.

С момента, когда византийцы начали контактировать с русами, последние стали объектом напряженного внимания со стороны Византийской империи. Как и все средневековые люди, ромей ждали Конца Света, а среди византийских интеллектуалов были весьма популярны библейские книги пророков и Откровение Иоанна Богослова, имевшие многочисленных комментаторов. В греческом переводе Книги пророка Иезекииля ими было замечено название «рос»: «И бысть слово господне ко мне, глаголя, сыне человекъ, утверди лице твое на Гюга и на землю Магога, князя Рос». В Откровении Иоанна Богослова указывается, что перед Концом Света народы Гюга и Магога, находящиеся на четырех углах земли, обольщенные сатаной, подойдут к «священному граду» и будет число их как песок морской¹. Ромеям оставалось сделать вывод: появление страшного народа «рос» – верный признак начинающегося Конца Света. При этом большинство церковных комментаторов помещали страну Гюга и Магога куда-нибудь подальше

на север, называя их гиперборейскими народностями (народами севера) и скифами.

И вот, когда на севере появились русы, созвучие названий «Русь» с библейским «Рос», не осталось незамеченным. У ромеев не могла не появиться мысль, что это и есть тот самый народ «рос», ужасный уже одним своим именем. Поэтому русов называли в Константинополе исключительно «росами»². Здесь уместно будет отметить, что в отличие от греческого перевода главы 39 пророчества Иезекииля, в еврейском подлиннике имени «Рос» нет. Там сказано: «вот я на тебя, Гюг, верховный глава (неси рош) Мешеха и Фувала». Но 70 александрийских толковников, переводчиков Библии на греческий язык, ошибочно поняли «неси рош» как «князь Роша»³.

Уже первое известное упоминание «росов» в византийских источниках – в Житии Георгия Амастридского, написанном диаконом Игна-

¹ Откр., 20: 7–8.

² Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова «Ρως», «Ρωσία», «Россия» // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 121–122.

³ Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Т. 12. С. 138. См. также: Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; ст. М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988. С. 211–212, комм. 39.

тием до 842 г. — сообщает о неком нашествии руси, «народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность, уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле и по имени народ...» — далее следуют описания зверств русов, начавших «разорение от Пропонтиды», причем содержится намек на появление страшного народа с Северного Причерноморья: ведь их жестокость — это «древнее таврическое избивание иностранцев, у них сохраняющее свою силу (процветающее)»⁴. Итак, здесь русы — народ «губительный и на деле и по имени» (явный намек на греческий вариант Книги пророка Иезекииля). Что за поход имеется в виду, неясно. Возможно, речь идет о неизвестном по другим источникам нападении русов на византийские владения, а возможно, процитированный текст — поздняя вставка, содержание которой относится к походу 860 г.

Нападение русов на столицу Византии летом 860 г. получило отражение в нескольких сочинениях патриарха Константинопольского Фотия. В первой гомилии (проповеди, беседе) на нашествие «росов», произнесенной с кафедры собора Святой Софии в Константинополе перед горожанами во время нашествия врага, Фотий представляет русов народом жестоким и диким, «безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим — поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей — все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя»⁵. Во второй гомилии на нашествие «росов», произнесенной уже после отступления неприятеля, Фотий характеризует их как «народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину

блеска и богатства»⁶. Патриарх отмечает, что когда «варварские корабли» проплывали мимо Константинополя, у жителей византийской столицы иссякла «всякая надежда человеческая, и город устремился к единственному божественному прибежищу», «рассудки объял трепет и мрак, а уши были открыты лишь слухам о том, что варвары ворвались внутрь стен и город взят врагами»⁷.

Наконец, в «Окружном послании» (867 г.) Фотий вновь упоминает «так называемый [народ] Рос», «ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности», уточняя, что они «те самые, кто — поработив [живших] окрест них и оттого чрезмерно возгордившись — подняли руки на самую Ромейскую державу. Но, однако, ныне и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас». Русы приняли «епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам»⁸.

Как видим, Фотий отмечает, что «всякая надежда» у горожан иссякла при одном появлении кораблей русов. Разнесшиеся по Константинополю слухи пугали ромеев неизбежным падением города, а выход жители византийской столицы видели лишь в обращении к «божественному прибежищу». В сочинениях Фотия, таким образом, получил отражение факт паники, охватившей в связи с появлением «так называемого народа Рос» значительное по численности население византийской столицы. Сам Фотий, кажется, не разделял настроения горожан, а его «Окружное послание» содержит успокоительную информацию об обращении «россов» в христианство. Вероятно, это сообщение касалось какой-то части русов, и христианизация тогда еще не превратилась в устойчивую тенденцию: по крайней мере, в X в. мы вновь сталкиваемся с проявлениями настороженного отношения к народу, носящему подозрительное имя.

В восприятии происходящего большинству византийских авторов X в. был присущ песси-

⁴ Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии: В 2 кн. (4 т.). М., 2010. Кн. 2. С. 368.

⁵ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: проблемы источниковедения. М., 2003. С. 35.

⁶ Там же. С. 57–58.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 75.

мизм⁹. А потому любые враждебные действия русов против Византии порождали панику среди константинопольских интеллектуалов. Этим объясняется стремление преувеличить опасность, которая могла угрожать их государству от военных набегов русов. Здесь можно привести в качестве примера «Историю» Льва Диакона, сообщавшего о том, что русы во время войны князя Святослава с болгарами якобы всерьез угрожали Константинополю¹⁰. Лев Диакон часто, показывая свою начитанность, рассказывал в «Истории» не о том, как все происходило на самом деле, а о том как все должно было бы происходить по его мнению, основанному на полученных из книг сведениях об обычаях того или иного народа. Он верил в пророчество Иезекииля и усматривал в столкновении русов с Византией дурное предзнаменование. Вот фраза о русах из его «Истории»: «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”»¹¹. А раз так, то и опасность, исходящая от русов, как от народа несущего гибель, должна была быть велика. Не случайно и то, что Лев Диакон, подобно автору Жития Георгия Амастридского, именуя русов тавроскифами, помещая их поселения на Боспоре Киммерийском, что на тот момент времени не соответствовало действительности¹².

Явным преувеличением исходившей от русов опасности следует считать и те мрачные картины, которые рисовал в своих стихотворениях Иоанн Геометр¹³, и всяческие пророчества вроде надписей, сделанных на гробнице императора Никифора Фоки митрополитом Иоанном Мелитинским¹⁴ или на цоколе конной статуи, стоявшей на площади Тавра в Кон-

стантинополе (где были вырезаны рассказы о последних днях города, когда русы будут готовы разрушить город)¹⁵.

В X в. контакты русов с ромеями вовсе не сводились к военному противостоянию (вроде похода русов на Константинополь в 941 г. или русско-византийской войны 971 г. в Болгарии). В основном русы и ромеи поддерживали вполне мирные отношения. Императоры Лев VI, Роман Лакапин, Константин Багрянородный, Роман II, Никифор Фока нанимали русов для участия в войнах, и князья русов с готовностью отправляли в Византию столько воинов, сколько было угодно василевсам ромеев.

Русы служили в императорской гвардии. Они прибывали в Константинополь и по торговым делам. Их жизнь в столице Византии рисует русско-византийский договор 944 г., изображая русов опасными, непредсказуемыми варварами, с которыми все-таки можно вести взаимовыгодную торговлю¹⁶. Можно было и предотвращать нападения русов на Империю: совет, как добиться этого, дает император Константин Багрянородный, обращавшийся к «русской» теме в семи главах трактата «Об управлении империей» (главы 2, 4, 6, 9, 13, 37 и 42). Специально русам посвящена только глава 9, в которой повествуется об образе жизни русов и об их путешествии из Киева в Константинополь. В остальных русы лишь упоминаются, хотя и эти главы содержат интересную информацию о них. Например, рассказывая о печенеггах (глава 2), автор замечает: печенеги «стали соседними и сопредельными» русам и, «когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб»; поэтому русы «озабочены тем, чтобы иметь мир» с печенегами¹⁷. Терроризируемые набегами печенегов, русы не могут, если не находятся в мире с кочевниками, отправляться для войны или торговли «от своих семей», т. к. печенеги всегда имеют возможность, «напав, все у них уничтожить и разорить»¹⁸. Как видим,

⁹ Иванов С. А. Болгары и русские в изображении Льва Диакона // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 210.

¹⁰ Лев Диакон. История. С. 57.

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Королев А. С. Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сборник Русского исторического общества. Т. 10: Россия и Крым. М., 2006. С. 88–98; он же. «Россия» и «Внешняя Россия» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей. Ч. 1. М., 2008. С. 129–133.

¹³ Лев Диакон. История. С. 134.

¹⁴ Успенский Ф. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888. С. 28.

¹⁵ Лев Диакон. История. С. 200–201, комм. 71.

¹⁶ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи, коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 23–26; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 105–130.

¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 37.

¹⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 39.

ничего фатального в русской военной опасности император ромеев не видел.

Константин Багрянородный демонстрирует хорошую осведомленность об образе жизни русов. В той же главе 9 он сообщает, что приходящие из Руси «в Константинополь моноксилы (ладьи — А.К.) являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киовава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти (водоемы) впадают в реку Днепр, то и они из тамошних (мест) входят в эту самую реку и отправляются к Киеву. Их вытаскивают для (оснастки) и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех недель, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»¹⁹.

Далее следует описание полного опасностей пути русов через днепровские пороги, вдоль северо-западного побережья Черного моря — в Византию. Под Милиниской подразумевается Смоленск или его предшественник, располагавшийся на месте Гнездова на Днепре, в 12 км ниже современного города; Телиуцы — вероятно, Любеч; «Чернигоги» — Чернигов; Вусеград — Вышгород²⁰. Немогард чаще всего интерпретируют как Новгород Великий, но не исключено, что речь идет о более южном городе. Как замечает Е. Н. Носов: «В эпоху Киевской Руси в бассейне Днепра существовало несколько Новых городов, более близких Киеву и Византии, чем город на Волхове. Это — Новгород-Северский на реке Десне, Новгород-Волынский на реке Случи и Новгород Малый (Новгородок) на самом Днепре. Не исключено, что Константин Багря-

нородный имел в виду один из этих городов. У северного Новгорода, в отличие от перечисленных, не было прямого водного сообщения с Киевом, их разделяли волоки. Кроме того, в середине X в. он не был столь большим, чтобы его название затмило все иные центры с подобными наименованиями и каждое его упоминание не вызывало бы сомнений у современников, что речь идет именно о данном городе»²¹.

Сведения о внутреннем строе русов, содержащиеся в трактате Константина Багрянородного, пожалуй, самые полные в сравнении с другими источниками, имеющимися на сегодняшний день в распоряжении историков. Итак, ничего загадочного для царственного автора в русах не было. Константин Багрянородный называет славян «пактиотами» русов, т. е. союзниками последних. В конце главы 9 он описывает сбор дани со «Славиний вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян», осуществляемый «архонтами» росов, выходящими «со всеми росами из Киовава»²². Таким образом, союз русов и славян — неравноправный, а описание взаимоотношений русов с их «пактиотами» напоминает приводившееся выше сообщение патриарха Фотия о русах как о народе, поработившем всех живших «окрест них». Вполне возможно, что условия союза были для каждого славянского племени особыми. Не случайно «Повесть временных лет» определяет разные размеры дани русам от древлян и северян²³.

Сообщение Константина Багрянородного о том, что у русов много «архонтов», подкрепляется русско-византийским договором 944 г., в тексте которого кроме киевского князя Игоря, его жены Ольги и сына Святослава названы имена еще 21 русского князя²⁴. Тот же Константин Багрянородный, с которым княгиня Ольга встречалась в ходе визита в Константинополь в 957 г., описал приемы им «Эльги, архонтиссы России» в еще одном своем ученом трактате «О церемониях византийского двора». В свите русской княгини состояли ее «анеспий» (племянник, двоюродный брат или сын Святослав) и 22 посла от русских «архонтов» (князей). Число послов, указанное в договоре 944 г. (25 чело-

¹⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45.

²⁰ Там же. С. 312–314.

²¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 193–194.

²² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 51.

²³ Повесть временных лет. С. 14.

²⁴ Там же. С. 23.

век), и число послов, прибывших в Константинополь с Ольгой в 957 г., практически совпадают. Вероятно, Ольгу сопровождали в поездке послы от князей, которые ранее участвовали в заключении договора с греками²⁵. И она, и Игорь предстают, таким образом, главами некоего союза русских князей; среди этих князей нет представителей племен славян-данников, «пактиотов» русов²⁶.

Постоянно наблюдая русов, по разным поводам прибывавших в Византию, ромеи, сталкиваясь с ними в повседневной жизни, должны были, кажется, искренне недоумевать: неужели это тот самый народ, появление которого грозит началом Конца Света? Возможно ли было в таких условиях нормальное общение? Для разрешения данного противоречия необходимо представлять русско-византийские отношения в развитии. В 860 г. паника в связи с нападением русов на Константинополь охватила широкие массы населения византийской столицы постольку, поскольку на тот момент русы для простых ромеев действительно были новым, неизвестным народом. При этом более информированные представители византийской элиты, вроде Фотия, сохраняли способность оценивать ситуацию здраво. В X в. к русам привыкли, опустошение ими окрестностей Константинополя в 941 г. среди жителей византийской столицы религиозного экстаза не вызвало²⁷. И лишь интеллектуалы-книжники, зачастую не контактировавшие с русами лично (как тот же Лев Диакон), с напряженным интересом следили за поведением загадочных варваров, по-прежнему видя в них роковой для Империи ромеев народ. Кстати, Константин Багрянородный, которого нельзя заподозрить в симпатиях к русам, не привлекает для их характеристики пророчество Иезекииля, хотя его трактат, предлагая довольно прагматичный подход к русско-византийским отношениям, все же демонстри-

рует сохранение некоторых устаревших представлений о русах²⁸.

В целом восприятие русов простыми ромеями вполне соответствовало их восприятию Константином Багрянородным. Судя по всему, в кругах византийских книжников дело обстоит иначе. Недаром Лев Диакон считал, что появление кометы (в августе 989 г.) и некие загадочные «огненные столбы» «знаменовали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисьянами (болгарами. — А. К.) Веррии»²⁹. Лишь с момента официального крещения Киевской Руси представление о русах как о роковом северном народе было отброшено и византийской интеллектуальной элитой. Тот же Иоанн Геометр отразил в одном своем стихотворении изменение отношения к русам, когда последние из недавних врагов Византии превратились при Владимире Святославиче в ее союзников и спасителей³⁰. Впрочем, когда в 1043 г. русы напали на владения Византии и «неисчислимое» количество русских кораблей «вошло в Пропонтиду», подобно туче, «неожиданно поднявшейся с моря», и затянувшей «мглою царственный город», историограф Михаил Пселл поспешил определить русов как «варварское племя», которое «все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами»³¹. Учитывая, что источники не содержат какой-либо информации о столкновениях русов и ромеев со времени захвата Владимиром Святославичем Херсона (что подтверждает и сам Пселл³²), его заявление, скорее всего, отражает застарелое неприятие ромеями северных соседей. Однако мистического страха перед русами в повествовании Михаила Пселла нет. Через 100 лет после крещения сами русы будут ожидать «последних дней» и связывать их наступление с появлением «скверных народов», которые «живут в горах северных по велению Божию» («Повесть временных лет» под 1096 г.)³³.

²⁵ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 154–213, 360–364.

²⁶ Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X века. М., 2000. С. 32–49, 79–90, 152–155; он же. «Род русский» и славяне Среднего Поднепровья в X веке // Наука и школа. 2010. № 6. С. 114–117.

²⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских цариц / Издание подготовил Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 175–176; Истрин В. М. Книги времени и образы Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 567–568.

²⁸ Королев А. С. «Росия» и «Внешняя Росия»... С. 126–138; он же. Святослав. М., 2011. С. 127–129.

²⁹ Лев Диакон. История. С. 90–91, 222, комм. 68–71.

³⁰ Греков Б. Д. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 348.

³¹ Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 95.

³² Там же.

³³ Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 256–264.

Список литературы:

1. Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии: В 2 книгах (4 томах). М., 2010. Кн. 2.
2. Иванов С. А. Болгары и русские в изображении Льва Диакона // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
3. Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X века. М., 2000.
4. Королев А. С. Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. Россия и Крым. М., 2006.
5. Королев А. С. «Род русский» и славяне Среднего Поднепровья в X веке // Наука и школа. 2010. № 6.
6. Королев А. С. «Росия» и «Внешняя Росия» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей. Ч. 1. М., 2008.
7. Королев А. С. Святослав. М., 2011.
8. Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: проблемы источниковедения. М., 2003.
9. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
10. Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
11. Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Т. 12.
12. Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова «Ρως», «Ρωσία», «Россия» // Вестник древней истории. 1940. № 2.
13. Успенский Ф. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888.

References (transliteration):

1. Ivanov S. A. Bolgary i russkie v izobrazhenii L'va Diakona // Formirovanie rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey. – М., 1981.
2. Korolev A. S. «Rod russkiy» i slavyane Srednego Podneprov'ya v X veke // Nauka i shkola. 2010. № 6.
3. Korolev A. S. «Rosiya» i «Vneshnyaya Rosiya» v sochinenii Konstantina Bagryanorodnogo «Ob upravlenii imperiey» // Istoricheskaya nauka i rossiyskoe obrazovanie (aktual'nye problemy): Sbornik statey. Ch. 1. М., 2008.
4. Korolev A. S. Istoriya mezhduknyazheskikh otnosheniy na Rusi v 40-e – 70-e gody X veka. М., 2000.
5. Korolev A. S. Mozhno li stavit' tochku v izuchenii problemy Priazovskoy Rusi? // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Т. 10. Rossiya i Krym. М., 2006.
6. Korolev A. S. Svyatoslav. М., 2011.
7. Kuzenkov P. V. Pokhod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2000 g.: problemy istochnikovedeniya. М., 2003.
8. Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.). SPb., 2000.
9. Nosov E. N. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche. L., 1990.
10. Solov'ev A. V. Vizantiyskoe imya Rossii // Vizantiyskiy vremennik. М., 1957. Т. 12.
11. Syuzyumov M. K voprosu o proiskhozhdenii slova «Ρως», «Ρωσία», «Rossiya» // Vestnik drevney istorii. 1940. № 2.
12. Uspenskiy F. Rus' i Vizantiya v X veke. Odessa, 1888.
13. Vasil'evskiy V. G. Izbrannye trudy po istorii Vizantii: V 2 knigakh (4 tomakh). М., 2010. Кн. 2.